

**НАТИГ РАСУЛЗАДЕ**  
**КИНОНОВЕЛЛЫ**  
**Побег**

Дождь. Пустынная дорога. Едет мужчина за рулем «Жигулей». Навстречу, на всей скорости – грузовик. Грохот столкновения, скрежет металла, звон стекла...

... Из помятой машины с трудом выползает мужчина. Смотрит назад: далеко позади него мчится грузовик, становясь все меньше и меньше под дождем, в тумане...

Идут начальные титры: автор сценария, режиссер и т.д.

... Мужчина, хромая, шагает по дороге. Еле передвигается, падает. Следы крови, ссадины, ушибы на лице мужчины. Вороны, приземлившись недалеко от него, внимательно следят за ним. Он с усилием поднимается на ноги, вороны отлетают прочь. Мужчина идет по дороге, хромая и оглядываясь, в надежде на попутную машину...

... Проходит время. Мы видим его в разных частях дороги. Ему холодно, он кушается в какую-то непонятную куртку. Его нагоняет спортивная машина, за рулем – женщина. Машина тормозит рядом с ним, дверца распахивается. Мужчина не верит своим глазам, все еще пребывая в шоке после пережитой аварии...

– Я видела машину, – говорит она. – Повезло...

Он кивает.

– Нам по пути? – спрашивает она.

Он кивает.

– Садись, – говорит она, внимательно оглядывая его.

Он садится. Она резко трогает с места машину. Некоторое время молча едут. Она разглядывает его нахально. Потом шарит в сумочке, достает сигареты.

– Тебе что, специальное приглашение нужно? – раздраженно спрашивает она.

– Приглашение куда? – не понимает он.

– Приглашение зажечь мне сигарету.

– Но у меня нет спичек.

– Посмотри в бардачке, – говорит она и ворчит. – Спичек у него нет. Что вообще у тебя есть?

Он, удивленный ее тоном, смотрит на нее, достает из бардачка зажигалку. Подносит ей огонь. Она прикуривает, презрительно смотрит на него, выпускает дым прямо ему в лицо.

– Что-то имеешь против? – спрашивает она.

– Против чего?

– Против того, что у тебя вообще ничего нет. Например – мозгов.

Он бросает на нее опасливые взгляды. Не может понять.

– Мне кажется, что вы слишком опасно водите, – говорит он. – Дорога скользкая.

– Кажется ему! Сиди и помалкивай, раз уж напакостил. Ничего тебе не должно казаться.

– Но позвольте...

– Заткнись! Он еще издеваться будет, на «вы» обращается, подонок!

– Я не понимаю... Разве мы знакомы?

– Говорила тебе, говорила – не уезжай, нет, ты никого не слушаешь, никого, никого, никого!

Она жмет на педаль газа.

– Осторожно! – кричит он.

Им чудом удается избежать аварии.

– Я не могу понять, – говорит он и хватается за голову, – не могу понять, почему вы так со мной... Ох, голова раскалывается... Я ничего не помню. Не могу вспомнить... Не понимаю, что со мной... Вы, пожалуйста... – обращается он к ней, но она не дает ему договорить.

Она бьет его по щеке рукой с сигаретой между пальцев, сигарета падает на коврик.

– Что вы делаете!?! – кричит он.

Он нагибается в поисках сигареты, поднимает, выбрасывает в окно.

– Не смей называть меня на «вы», шут поганый! – кричит она, нажимая на педаль газа.

– Остановите! – кричит он в страхе. – Останови машину!

Она неожиданно резко тормозит, он ударяется лбом о лобовое стекло.

– Убирайся! – говорит она.

Он выходит из машины. Она на скорости трогает машину с места и исчезает за поворотом дороги.

Холодно. Он ежится в своей куцей куртке на холоде посреди пустынной дороги. Некоторое время топчется, не зная, что делать.

Вдруг на дороге появляется машина, она на задней скорости подъезжает к нему, распахивается дверца.

– Садись, – говорит она. – Ты так легко от меня не избавишься.

– Дайте слово, что не будете ездить как сумасшедшая, – говорит он.

– Садись, я сказала! – кричит она.

Он садится в машину. Она на скорости берет с места.

– Если б не собачий холод, я бы ни за что... – говорит он.

Она, не обращая внимания на его слова, продолжает:

– Я сразу поехала за тобой. Как я обрадовалась, когда увидела на дороге разбитую машину, надеялась увидеть в ней твой обезображенный труп. Подлец, подлец! Мерзкая тварь! Заставил меня сделать аборт, когда я так хотела ребенка, во сне его видела, когда носила в себе, а теперь вижу в кошмарах.

Она снова дает ему пощечину.

– Если б вы не были женщиной... – в ярости говорит он.

– Что?! Что бы ты сделал, жалкое ничтожество?

Он не отвечает. Долгое молчание. Она опять водит слишком рискованно.

– Может, я поведу? – говорит он неуверенно.

– Это еще зачем? Боишься за свою вшивую жизнь? А ты вспомни, как требовал, чтобы я убила в своем чреве невинное существо. Боже!

– Бред, – говорит он. – Это какой-то бред... У меня голова раскалывается, я ничего не понимаю... Это бред, уверяю ва... тебя...

– Теперь для тебя это бред, – говорит она, – конечно. Теперь ты можешь унижать меня, втапывать в грязь, издевательски называть на «вы», считая в душе мерзкой блядью. Что ж, радуйся, ты выиграл... Хитростью, подлостью, коварством заставил меня избавиться от моего... счастья.

Она вдруг резко тормозит на краю обрыва. Тихо плачет.

– Я правда не знаю, что тебе сказать, – говорит он. – У меня жутко болит голова. Видно, крепко ударился при аварии. Но уверяю ва... тебя, это – недоразумение... Я не имею никакого...

Она смотрит на него, и под ее взглядом он замолкает, не договаривает фразу. Он берет из ее сумочки сигарету. В сумочке он замечает розовый, как новорожденный ребенок, телефон. Курит, глядя перед собой в ненастное, дождливое небо.

– Смотрите, – говорит он, чтобы разрядить напряженную обстановку, – пока мы ехали, ни одной машины не было на дороге, вы заметили? Странно...

Она не отвечает. Долгое молчание.

– Кто-то был за дверью, – вдруг говорит она.

Он не понимает, смотрит на нее.

– Стук в дверь, – говорит она. – Тихий, ночной. Кто-то был за дверью, я чувствовала, что кто-то стоит за дверью. Но когда открыла – там никого не оказалось. Тихий такой стук был. Еле слышный...

– Какой стук? – спрашивает он.

– Сон. Это был сон. Мне приснился стук в дверь.

– А, сон, – говорит он.

– Да, – говорит она. Долго молчит, потом: – Врачи предупредили, что я больше не смогу родить после аборта. Нет шансов. Шансов – ноль. Зачем мне жить? – спрашивает она, обращаясь к нему.

Он в растерянности, недоумевая, смотрит на нее, боясь сказать что-то.

– Посмотри на меня! – вдруг говорит она и быстро выходит из машины. Подходит к краю обрыва и кричит ему:

– Посмотри на меня!

Она сбрасывает шубу и, голая, бросается с обрыва.

Он, онемев от ужаса, смотрит из машины на то место, где только что стояла она... Потом осторожно выходит. Подходит к краю обрыва и опасно смотрит вниз. Внизу на камнях лежит ее голое, ослепительно белое на фоне пасмурного дня тело. Он долго не может оторвать взгляда от мертвого тела внизу...

... Трели звонка телефона из машины пробуждают его. Он подходит к машине. Достает из ее сумочки телефон...

... Мужчина спит в машине. Резкий стук в окно пробуждает его.

Он смотрит вокруг. Рука офицера полиции манит его из машины.

Он выходит и видит автоматчиков с собаками, полицейскую машину, две дорогие иномарки на обочине дороги, мужчин возле машин. Он осторожно подходит к краю обрыва. Показывает офицеру вниз на мертвое тело. Но внизу нет никакого тела.

– Не понимаю, – говорит он и тут видит женщину в шубе, с которой ехал в машине.

– Вы!? – радуется он. – Вы живы?!

Он еще раз смотрит вниз, чтобы убедиться.

– Садись в машину, – говорит ему офицер, защелкивая на его запястьях наручники.

– Но за что?! – кричит он.

– За что? – офицер ухмыляется. – Побег из тюрьмы, угон двух машин, изнасилование, – офицер кивает на женщину в шубке. – Этого тебе мало?

– Но я не трогал ее! – кричит он. – Поверьте...

– Ничего, – говорит офицер, – хватит и всего остального...

Он, ничего не понимая, озирается вокруг.

– Теперь ты будешь гнить в тюрьме пожизненно, – говорит офицер.

Оба автоматчика, подталкивая, подводят его к полицейской машине.

... Когда он проходит мимо женщины, она тихо, не оборачиваясь к нему, говорит:

– Стук в дверь... Помни...

... На дороге появляется тот самый грузовик, который разбил машину мужчины. Грузовик едет в обратном направлении, на скорости проезжает мимо, небритое лицо шофера, ухмыляясь, смотрит на арестованного мужчину через зеркало заднего обзора.

## ***Не смотреть в глаза***

Большие настенные часы в холле показывали без четверти десять, когда он, весь мокрый, вошел в гостиницу. На диване в холле сидел пожилой мужчина и читал журнал, в глубине – девушка у лифта, коридорный, спускающийся по ядовито-зеленой ковровой дорожке на широкой лестнице.

Он настороженно оглядел всех троих и, кажется, остался доволен: они не вызвали в нем подозрений. С короткого плаща его стекали капли дождя, он, оставляя мокрые следы на паркете, прошел к дежурному администратору за конторкой. Тот, бросив косой взгляд на вымокшего посетителя, красноречиво посмотрел на грязные следы от его ботинок на паркете. Проигнорировав взгляд администратора, он вытащил из бумажника какой-то документ, протянул к конторке и глухим, простуженным голосом произнес:

– Комнату до завтрашнего утра.

Администратор, даже не взглянув на документ в руке подозрительного посетителя, прежде чем дать ему заполнить бланк отеля, спросил:

– Деньги у вас есть?

– Не задавайте глупых вопросов, – сказал незнакомец. – Думаете, я не знаю, что за номер надо платить?

Тогда администратор молча протянул ему бланк. И он тут же, у конторки, заполнил его и вернул обратно.

Играя увесистым брелком на ключе от комнаты, он подошел к лифту и поднялся на четвертый этаж. Прошел по коридору, открыл ключом дверь и оказался в простеньком, на одного человека номере, где возле неаккуратно застеленной постели стоял выдавший виды маленький письменный стол. Он подошел к столу, выдвинул ящик. Обнаружил в нем кем-то оставленный старый журнальчик для автолюбителей, вытащил из кармана плаща и положил в ящик поверх журнала пистолет с глушителем на дуле. Тихо задвинул ящик. Сняв плащ, он повесил его на вешалку в шкафу, подошел к кровати и повалился на нее, как был, в одежде и мокрых ботинках. Только теперь он почувствовал, как сильно устал; не прошло и пяти минут, в течение которых он, не мигая, глядел в потолок, о чем-то усиленно размышляя, как он уже впал в сон. Впрочем, спал он недолго и чутко, и стоило его ручным часам тихо зажужжать, как он тут же открыл глаза. Глянул на циферблат и поднялся с постели. На часах было десять минут второго. Ночь за окнами, мокрый снег. Он некоторое время глядел на машины, припаркованные у тротуара гостиницы, на медленно бредущего прохожего с обнаженной головой, потом прошел в ванную комнату, которая оказалась просто душевой и туалетом одновременно, вымыл руки под краном, плеснул в лицо холодной водой, чтобы прогнать сон, затем надел плащ, почувствовав плечами его холод. Подошел к письменному столу, достал из ящика пистолет и, пряча его под плащом, вышел из номера.

По коридору он дошел до лестницы возле лифта. Здесь ступени уже были не такими опрятными, как в холле, и не были покрыты ковровой дорожкой. Он спускался по грязным, загаженным ступеням; вдоль стен кое-где были надписи – имена, неприличные слова, какие любят писать подростки, и никто не удосужился их стереть. Гостиница была дешевенькая и сюда обычно, за редким исключением, приходили парочки на ночь, чтобы заняться любовью, а утром разлететься в разные стороны. Он спустился на два этажа и вышел в коридор второго, тихо пошел вдоль стены, отыскивая глазами нужный номер. На некоторых дверях вместо металлических цифр остались лишь светло-серые следы от них. Он дошел до нужной двери. На ней оставалась одна цифра, от другой – след. Он внимательно всмотрелся и убедился, что это и есть номер, который он искал.

Он взялся за ручку двери, но совершенно неожиданно дверь легко подалась внутрь. В номере горел ночник на столе, и отсюда, от двери, правая часть комнаты хорошо просматривалась. Он тихо вошел, плотно прикрыл за собой дверь и, крадучись, прошел по узкому коридорчику в комнату, держа палец на спусковом крючке пистолета под плащом. В комнате никого не было, но из душевой отчетливо доносился шум воды. Он постоял некоторое время посреди комнаты, потом уселся в единственное кресло под торшером, предварительно подвинув его так, чтобы сидеть лицом к душевой. Плеск воды прекратился, он невольно напрягся, взялся за пистолет поудобнее, не вытаскивая его пока из-под плаща, но под плащом навел дуло на дверь, из которой сейчас должен был выйти хозяин номера.

Когда из душа вышла девушка, на ходу натягивая банный халат на голое тело, он опешил, снял палец с курка, чтобы случайно не надеть глупостей. Она испуганно вскрикнула, увидев его, и некоторое время они удивленно смотрели друг на друга.

– Как?.. – произнесла, наконец, она. – Как вы здесь оказались?

– Дверь была открыта, – растерянно ответил он.

– Но это не означает, что вы должны соваться во всякую открытую дверь, – парировала она.

Испуг ее прошел, и теперь говорила она уверенно, напористо, хотя на вид ей было не больше двадцати пяти лет.

– Да, – сказал он спокойно. – Вы правы... Извините...

Он направился к двери, распахнул ее и вышел в коридор. За его спиной девушка захлопнула дверь, и он услышал, как отчетливо дважды повернулся ключ в замочной скважине. Он отошел от двери на порядочное расстояние, вытащил из кармана телефон.

– Я на месте, – сказал он в мобильный. – Но там девчонка.

Он внимательно выслушал ответ, отключил телефон, постоял несколько минут в коридоре, о чем-то усиленно думая. Потом вернулся к двери номера девушки, осторожно постучал. Она открыла дверь сразу же, будто ждала его возвращения.

– Извините, – сказал он. – Я должен войти.

Он ждал от нее естественной в данном случае реакции на его слова: что она молча захлопнет дверь перед его носом или накричит на него, но она неожиданно отстранилась от двери, давая ему возможность пройти в комнату. Впрочем, не приглашая и не прогоняя. Просто отошла от двери. Он прошел в комнату и снова уселся в единственное кресло. За окном теперь лил дождь, с промежутками завывал ветер. Она прикрыла дверь и прошла за ним в комнату, села на краешек кровати и мельком посмотрела на него, ожидая объяснений, но как только он ответил ей взглядом, тут же отвела глаза, словно даже мимолетный взгляд на него был ей противен. Он не знал, с чего начать, понимая, что начать все-таки нужно.

– Сколько вам лет? – после затянувшейся паузы спросил он.

– Для вас это имеет значение? – спросила она, явно ожидая не такого начала объяснений.

– Нет, я так спросил, – сказал он. – Можете не отвечать.

– Двадцать три, – сказала она.

– Вы здесь одна?

– Как видите.

– Вы проститутка? – спросил он.

– Нет, – просто ответила она, ничуть не оскорбившись.

– А что вы делаете здесь одна? Где ваши родители?

Она замаялась, не зная, что ответить.

– Их нет, – произнесла она наконец.

– Умерли?

Она кивнула. Он подумал и спросил:

– Как они умерли? Погибли?

– Вы их убили, – сказала она, не глядя ему в глаза.

Он тоже отвел взгляд от нее, помолчал, осмысливая ее слова, быстротой ума он никогда не отличался.

– Вы хотите сказать, что их убил киллер?

– Вы и есть киллер, – сказала она.

– С чего вы взяли?

– У вас глаза бегают. Вы не можете смотреть прямо в глаза, – сказала она. – Вы боитесь, что если увидите глаза жертвы, не сможете убить?

– Для своих лет вы слишком проницательны, – сказал он.

Она, не отвечая, молча смотрела в пол равнодушным, ничего не выражавшим взглядом.

– Я бы выпил чаю, – сказал он.

– У меня нет.

– Все равно, – сказал он, – хоть кипятком. Согреться.

– У меня ничего нет, – сказала она. – Я утром должна уезжать отсюда.

– Уезжать? – спросил он. – Куда вы хотите уехать?

– Все равно куда. Уехать из этого города.

– Разве вы не прожили здесь всю жизнь?

– Ну и что? Что это меняет?

– Как вы сказали?

Она помолчала, словно раздумывая, стоит ли об этом рассказывать, потом все же решилась.

– Когда не стало родителей, меня выжили из нашей квартиры. Короче – отняли у меня квартиру, все в этом грабеже участвовали: и участковый полицейский, и начальник жилищной конторы, и кое-кто из соседей, заинтересованных в нашей квартире... Что я могла? Это было пять лет назад, мне тогда было всего восемнадцать, некому было за меня заступиться. Близких родных у меня не осталось: поумирали, разъехались... Сначала ходила к дальним родственникам, жила немного то у одних, то у других, потом на вокзалах ночевала... Страшно вспомнить... На работу только устраюю куда-нибудь – на следующий день хозяин приставать начинает: хочешь работать – ложись... Всего натерпелась... Зачем вы пришли сюда? Что вам от меня нужно?..

– Я не знаю, – ответил он не сразу. – Честно говоря, я сам не пойму. Думал, произошла ошибка, но заказчик настаивает.

Он не договорил, она подождала, но он и не думал продолжать.

– Что это значит? – спросила она с тревожными нотками в голосе, – какой такой заказчик?

– Ну... – начал он неохотно объяснять. – Вас заказали. Главное, он говорит, ориентируйся по месту, а не по объекту, то есть, убрать любого, кто будет в этом номере... Вас хотят убрать.

– Убрать? Куда убрать? – не поняла она.

Он усмехнулся ее непонятливости и еще больше утвердился в мысли, что произошла ошибка, что заказчик перепутал, имел в виду не эту девушку, другую мишень.

– Это теперь неважно, – сказал он. – Я вижу, что ошибся, вернее, он ошибся – хозяин. Но, честно говоря, теперь я не знаю, что мне делать.

– А-а... Я поняла... Вас просили убить меня, да? – спросила она с таким наивным видом, что у него на мгновение сжалось сердце.

– Ну...В общем-то... – промямлил он.

– И вам за это платят?

– Да, – признался он.  
– Хорошо платят?  
– Неплохо. Жить можно, – сказал он.  
– И когда вы убиваете не тех, кого надо, – тоже платят?  
– Такого еще не было, – сказал он.  
– Но сейчас это могло бы случиться, – сказала она.  
– Но не случилось же, – сказал он, будто оправдываясь.  
– Только потому, что мы поговорили, – сказала она.  
– Нет, я просто засомневался, что такая девушка, в смысле, такая молоденькая, может кому-то мешать...  
– А разве вам не дают фотографии людей, которых?... Я в кино видела – так делают.  
– Нет. Мне просто сказали, где вы находитесь, в каком отеле, в каком номере... Вы что, думаете, на каждого, кого нужно убрать, заводят дело? Насмотрелись фильмов про мафию? – он усмехнулся наивности ее вопроса. – Нет, у них все гораздо проще. И они не очень-то со мной распространяются о деле – коротко: поди туда, уברי того, и все...  
– И многих вы убрали?  
– Нет, я совсем недавно занимаюсь этим делом, – сказал он.  
– А почему вы это делаете?  
– А что мне делать? Был на войне... Убивать научился... А теперь оказалось, за это платят...  
– А сколько человек вы убили?  
– На войне?  
– Нет. Так. В жизни.  
– Двоих.  
Она задумалась, опустив глаза.  
– И как вам платят за работу? Вперед?  
– Задаток. Половину. Половину после работы, – сказал он так просто, будто говорил об обычных, будничных вещах.  
– Понятно, – сказала она, вздохнула, поднялась, подошла к окну за его спиной, посмотрела вниз. – Что за погода, – тихо, с грустью в голосе произнесла она. – Дождь, дождь, дождь...  
– Осень, – сказал он. – На то и осень... – помолчал немного, потом озабоченно прибавил: – Однако, ситуация... Что же мне теперь делать? Ведь это явно не вы... Это не можете быть вы.  
– Да, – сказала она спокойно. – Это не я. Дураку ясно. Кому я нужна? Воцарилось хрупкое молчание, и он очень скоро нарушил его.  
– Ты говорила, твоих стариков убили? А за что их убили? – спросил он.  
– Они не были стариками, – покачала она задумчиво головой.  
– Да, конечно, я имел в виду – родителей.  
– Точно не знаю... – сказала она неохотно. – Папа был политиком, вмешался в какую-то крупную авантюру... Большие деньги... Ехали на машине вместе с мамой, им устроили аварию... Огромный самосвал... Смял их... – она зашмыгала носом. – Я осталась с бабушкой. Когда мы узнали, у бабушки случился инфаркт, и она умерла через день в больнице. Можете представить, каково мне было одной...  
– Да, положение нелегкое, – покивал он головой сочувственно. – Но что же мне делать? Надо же что-то решать...  
Она тоже задумалась.  
– Надо отрабатывать вторую половину денег? – усмехнулась она желчно.  
– Нет, вообще... Если это не вы...  
Наступило долгое молчание.

– Я, кажется, придумала, – вдруг сказала она.  
– Да? И что?  
– Мы можем поехать к тому человеку?  
– Какому человеку, – не понял он.  
– К тому, кто вас послал сюда.  
– А зачем вам это?  
– Очень просто. Вы покажете меня ему, и он поймет, что ошибся. Он же должен знать в лицо, кого собирается убрать, да?  
Он задумался, ответил не сразу.  
– Вообще-то, это идея. Но надо заранее предупредить. Я позвоню.  
– Не надо никуда звонить, – сказала она. – Просто поедem к нему.  
– А почему не позвонить?  
– Позвоните, он будет настаивать, тогда что? Убьете меня, невинного человека? Бога не боитесь?  
– Боюсь, – сказал он, подумав. – Хотя работа такая, что часто забываешь о Боге.  
– А вы не забывайте. Невинного убить – это двойной грех, – сказала она уверенно.  
– Да? Кто это сказал? – засомневался он.  
– В Библии написано, – сказала она со знанием дела.  
– А-а...  
– Не читали?  
– Нет...  
– Обязательно прочтите. Бросьте эту работу.  
– Этого я и боюсь, – сказал он. – Чем тогда зарабатывать на жизнь? Хватит, ошибившись без работы.  
– А вам много надо одному? – поинтересовалась она.  
– С чего вы решили, что я один?  
Она помолчала, разглядывая его с ног до головы бегущим взглядом.  
– У вас одинокий вид, – попыталась она свои поверхностные наблюдения.  
– Это обманчиво, – сказал он. – У меня старая мать и сестра-калека. Я о них забочусь.  
– Ну, как вы решили? Мы едем? – вдруг резко спросила она: было видно, что последняя его фраза ей не понравилась, и она хотела поменять тему.  
– Что ж, поехали, – сказал он, посмотрел на нее долгим взглядом – тонкая, ладная фигурка, девическая свежесть на лице ее, несмотря на тяжелую жизнь, все еще сохранялась, только ранние морщинки у рта и грусть в пустыне глаз, в которые она не давала заглянуть, выдавали, что ей пришлось нелегко в жизни, и все, что она рассказала ему о себе, – это правда. Но, несмотря на нелегкую судьбу, вид у нее был очень наивный. «Видно, жизнь ее ничему не научила, – подумал он. – Она может довериться любому встречному, и ведет себя так, будто в ее молодые годы жизнь ей надоела и ей абсолютно все равно – остаться жить или умереть». У него сжалось сердце. Она все больше ему нравилась, ему вдруг захотелось взять ее за руку. Его тянуло к ней.  
– Можно взять вашу руку? – спросил он неожиданно для себя.  
– Зачем? – удивилась она.  
– Не знаю, – признался он.  
– Глупости, – тихо произнесла она усталым голосом. – Выйдите, пожалуйста, мне нужно одеться.  
Он покорно кивнул, вышел в коридор, прислонился к стене возле ее номера, вытащил из кармана мятую пачку дешевых, крепких сигарет и закурил, глубоко и жадно затягиваясь.



Он чувствовал, что с ним происходит что-то хорошее. Но боялся назвать, дотронуться, расплескать нечаянно это неназванное прекрасное чувство, что за все свои сорок три года он, может быть, впервые по-настоящему ощутил здесь, в этой убогой гостинице, к этому наивному, простому, одинокому существу. Ему вдруг захотелось, страстно захотелось заслонить ее от опасности, пусть даже это будет рискованно, пусть даже ценой своей жизни. Он был удивлен этому мальчишескому чувству, что охватило его внезапно, но в то же время был обрадован, будто вернулся в свое далекое, чуть брезжущее в памяти детство, когда готов был защитить любого слабого, любого, кто нуждался в помощи, и не боялся ни Бога, ни черта. Не как теперь, когда прошла большая часть жизни, и он боится хозяина, своего работодателя, боится, что может остаться без работы, без этой проклятой работы.

Щелкнул замок двери. Она вышла с небольшой сумкой в руке, одетая в дешевенький плащ и стоптанные туфельки. Он, широко и глупо улыбаясь, оглядел ее.

– Сапожек у вас нет? – спросил он. – Ноги промочите.

Он чуть не сказал «ножки».

– Нет, – сказала она и прибавила, не глядя на него: – Вы тоже не лучше одеты.

Отдавая ключ от номера портье с заспанным порочным лицом педераста, она вытащила тощий кошелек, чтобы расплатиться, но он опередил ее. Достав из кармана брюк внушительную пачку крупных купюр, он заплатил за свой и ее номера, и они вышли на улицу. Дождь прекратился. Они пошли к стоявшим неподалеку ночным такси. Уже светало.

– Деньги за мою жизнь? – спросила она, лукаво скосив глаза на его оттопыривающийся карман. – Точнее – за мою смерть?

– Да, – сказал он, улыбаясь до ушей шутке, глядя на нее и получая удовольствие от ее вида, от того, что она идет рядом с ним, что он держит ее под руку, заботливо обходя лужи, чтобы она не промочила ноги в легких туфлях.

– Еще один факт, говорящий в мою пользу, – сказала она.

– Это как? – не понял он.

– Кто же столько за меня заплатит? Хватило бы и десятой доли.

Ему понравились ее слова, но она, словно играя с ним, тут же прибавила:

– А представляете, если окажется, что это я и есть?

И рассмеялась тихим, рассыпчатым, нервным смехом. Он улыбнулся еще шире ее шутке. Ее смех очень ему понравился, он был милым, и в то же время было в нем много чувственности; не переставая улыбаться, он ощутил вдруг, как затрепетало сердце у горла, готовое выскочить, взорваться. Она, что-то почувствовав, мельком глянула на него, отстранилась, отняла руку. И его внезапно охватило одиночество, словно сверху упала на него невидимая клетка, оградив его от всего мира, или, вернее, оградив весь окружающий, уже становившийся прекрасным, мир от него, в клетке. Приклеенная улыбка медленно сползала с его лица.

– Вы всегда так глупо улыбаетесь? – спросила она и еще раз тихо, коротко рассмеялась.

– Не знаю, – опять невольно улыбаясь, сказал он. – Не следил за этим. Вообще-то очень редко.

– Почему?

– Нет поводов.

– Не удивительно, – сказала она. – С вашей работой.

– Нет, не в этом дело, – сказал он. – Я же говорил вам – я совсем недавно начал, – он немного помялся и вдруг, решившись, произнес: – Мне с вами так хорошо. Правда. Может быть, никогда так не было... Не помню уже...

Он посмотрел на нее долгим взглядом. Она отвела глаза, даже отвернулась.

– Вот такси, – сказала она. – Мы на такси поедем?

Он кивнул, открыл дверцу машины, пропуская ее вперед, и сел рядом.

Она сидела, засунув руки глубоко в карманы плаща. Он осторожно, нерешительно просунул руку в ее карман, нашел ее холодные пальцы, сжал их легонько.

– Это что-то новенькое, – сказала она тихо, с улыбкой в голосе, не глядя на него.

– Вам не нравится?

И так как она не отвечала, он не вынул руку из кармана ее плаща, чувствуя, как тепло его пальцев медленно передается ее руке.

Больше они в машине не произнесли ни слова.

Он остановил такси в двух кварталах от нужного дома, расплатился и они оставшийся путь прошли пешком. Уже совсем рассвело, и на улице стали попадаться редкие прохожие, спешащие под угрюмым ноябрьским небом, готовым в любую минуту разродиться дождем или мокрым снегом.

– А зачем мы идем пешком? – спросила она, когда они уже проделали изрядный путь. – На такси нельзя было?

– Хозяин не велел подъезжать к дому, – с серьезным видом сказал он. – Только пешком.

– Прямо сети шпионажа, – усмехнулась она.

Дом был старый, архитектурный, с огромной толщины стенами, из тех, которые по каким-то смутным соображениям городские власти еще не объявили архитектурным памятником. Они вошли в подъезд и по мраморной лестнице поднялись на третий этаж.

– Здесь его офис, – шепнул он ей таинственно и взял ее за руку.

– Не бойся, не убегу, – шепнула она в ответ и отняла у него руку.

Слишком резко. Ему стало неприятно.

– Там много народу, наверно, – сказала она.

– Вряд ли... – сказал он. – В такое время он обычно бывает один.

На площадке третьего этажа они подошли к сейфовой входной двери без номера на ней, но с домофоном, пристально следящим за гостями. Он нажал кнопку звонка. Она отвернулась к окну парадного с широким, как двуспальная кровать, подоконником. За окном шел дождь.

– Дождь, дождь, дождь... – тихо, грустным голосом произнесла она. – Такая скука...

У него защемило сердце. Когда щелкнул замок отпираемой двери, она, четкими движениями достав из сумки нож, стремительно – как молния сверкнула – воткнула его ему в горло по самую рукоять, и когда он, суча ногами и дергаясь, упал, выхватила у него из кармана пистолет с глушителем и выстрелила в лоб открывшему дверь мужчине. Тот безмолвно рухнул в прихожей.

– Хватит на меня охотиться, – сказала она труп в прихожей и бросила на него пистолет.

Она аккуратно, бесшумно прикрыла дверь в квартиру, подошла ко все еще дергавшемуся в предсмертной агонии телу мужчины с ножом в горле, вытащила нож из раны, вытерла его об брюки умирающего, положила обратно в свою сумку, вынула увесистый ком денег из его кармана и, сидя на корточках перед тихо хрипящим киллером, изо рта которого обильно пошла кровь, произнесла точно таким же тоном, грустным голосом, которым говорила минуту назад про дождь:

– Не смотреть в глаза...

Наверху, двумя этажами выше хлопнула дверь, кто-то стал неторопливо спускаться. Она быстро спрятала деньги в карман плаща, куда он совсем недавно совал руку, чтобы согреть ее холодные пальцы, и побежала по ступенькам. Когда она выходила из подъезда, сверху послышался чей-то истошный крик – не то звали на помощь, не то просто кричали со страху.

## **Аритмия**

Лес. Сквозь деревья виден маленький домик, занесенный снегом. Камера приближается к домику. Метель в лесу. Домик на опушке леса, большое, свободное от деревьев пространство. В замерзшее окно видно, что внутри горит огонь в железной печке, кто-то возится у печки, потом надевает телогрейку и выходит из двери прямо на камеру. Это мужчина средних лет, в руке у него железнодорожный знак, которым обычно показывают машинисту поезда, что проезд открыт. Мужчина идет по лесу, вскоре деревья кончаются, и на окраине леса, занесенные снегом, видны рельсы. Мужчина останавливается возле них, стоит, непонятно для чего, потом поднимает знак в руке, держит его некоторое время, смотрит вслед воображаемому поезду. На этом фоне появляется название фильма

### **АРИТМИЯ**

Идет часть титров – автор сценария, режиссер и т.д.  
За кадром слышен отчетливый, спокойный стук сердца...

Мужчина идет обратно, к домику. Он входит в домик, запирает за собой дверь, скидывает с себя тулуп, греется у печки, потирая руки, потом подходит к маленькому столику и режет на нем хлеб. Медленно ест хлеб, глядя в маленькое, занесенное снегом окошко. Осматривает внутренность своего маленького домика и его глазами мы видим интерьер убогого бедного помещения – кровать железная допотопная, столик, за которым он сидит, табурет, на котором сидит Немой, печка, в которой горят дрова, рядом лежат поленья, топор, на стене висят в ряд восемь ножей-финок. На другой стене висят портреты Сталина, Бери, Калинина. Немой смотрит на финки, потом подходит к стене, трогает их одну за другой, смотрит в заснеженное окно...

... Немой, теперь гораздо моложе, чем мы его видели в первом эпизоде, стоит у железнодорожного полотна, ждет поезда. Он в железнодорожной форме, фуражке, в руках – железнодорожный знак, которым он собирается указать машинистам, что путь открыт. Появляется поезд. Немой поднимает знак. Поезд мчится мимо. Немой провожает его взглядом. Вдруг из последнего вагона что-то летит на землю. Немой торопливо приближается и видит, что это человек, молодой человек, из тела которого торчат ножи-финки. Немой поспешно вытаскивает из тела юноши ножи, старается перевязать его раны. Юноша открывает глаза, видит Немого.

– Жизнь такая большая... – говорит он слабым голосом. – А мне не нашлось в ней места...

Немой, пораженный этими словами, застывает над телом юноши. Тот умирает у него на руках...

... Немой закапывает мертвое тело, насыпает холмик в виде могилы, стоит, оперевшись на лопату и задумчиво смотрит на могилу. В руках у него – восемь ножей-финок...

...Немой сидит в доме, чинит валенки, зашивает. Смотрит на портреты Сталина, Бери, Калинина. Потом подходит к ним вплотную, стоит спиной к камере, спускает штаны и начинает мастурбировать, глядя на портреты...

Раннее утро. Сквозь деревья просачивается рассвет. Немой идет по тропинке. Тащит за собой пустые сани, в санях – пустые мешки...

... Немой выходит к поселку. Здесь – дома, избы, на улице видны дети, они играют в снежки, катаются на санках. Немой идет по улице поселка, тащит за собой сани, подходит к сельскому магазину... Из сельского магазина выходит женщина, молча машет Немому, чтобы он шел в магазин...

... Немой входит в сельский магазин. Здесь на полках самый разный убогий товар: топоры, валенки, консервы-тушенки, бутылки водок стоят в ряд, гармонь не очень новая и прочее...

– А, явился, – говорит хозяйка. – Жив еще?

Немой серьезно кивает.

– Ну, давай мешок.

Он протягивает ей пустой мешок. Она заполняет мешок продуктами, мукой, картошкой. Из двери кладовки выходит девочка, смотрит на Немого.

– Племянница моя, – говорит хозяйка Немому, кивая на девочку. – Жила в райцентре. Теперь сирота. Взяла к себе, пусть помогает.

Немой кивает. Девочка с любопытством смотрит на него.

– Тетя, а он что, немой? – шепотом спрашивает она у хозяйки.

Та не отвечает, занятая мешком, потом говорит девочке:

– Беги, скажи соседкам – стрелочник пришел.

– И что? – спрашивает девочка.

– Беги, тебе говорят. Они сами знают, что...

Девочка выбегает из магазина. В магазин входит НКВДэшник в форме. Строго, пристально смотрит на Немого.

– Это мои личные продукты, – говорит хозяйка, кивая на мешок. – Не магазинные.

НКВДэшник молчит, сверлит взглядом Немого.

– Война, слава Богу, пять лет, как кончилась, – говорит хозяйка. – Можно вволю поесть...

– Не нравится он мне, – говорит НКВДэшник, – подозрительный субъект.

– Что в нем подозрительного? – говорит хозяйка. – Человек как человек. Оди-чал только без людей.

– Я буду следить за каждым твоим шагом, – говорит НКВДэшник Немому, долго смотрит на него, затем выходит из магазина.

В магазин входит несколько женщин со свертками в руках, они молча кладут свертки в мешок Немого. Он взваливает мешок на плечи, выходит из магазина, на улице кладет мешок в сани и идет из поселка. Хозяйка, женщины в магазине провожают его взглядами. Девочка на улице смотрит вслед Немому. Входит в магазин. Женщины выходят.

– Тетя, а кто этот стрелочник? – спрашивает девочка у хозяйки. – А он правда, что ли, немой?

– Он тут, на железной дороге работал, в двенадцати километрах от нашего поселка. Теперь уже давно там не ходят поезда. Говорят, к весне будут разбирать там рельсы.

– А зачем вы ему продукты бесплатно дали?

– А тебе жалко стало, да?.. Раньше он получал зарплату на железной дороге и все у нас покупал, а когда поезда по той ветке перестали ходить, его уволили, но он остался жить там, в своей будке стрелочника, видно, некуда ему податься... Немного умом тронулся. Говорить перестал. Но он совсем безобидный. Вот начнут разбирать рельсы, и его домик тоже разломают. У нас любят ломать... Раз в месяц приходит в поселок за продуктами, денег у него уже нет, но надо же человеку кушать... Да и нам он очень помогает... После войны в поселке мужиков раз-два и обчелся... А он мастеровой, руки золотые, что надо починить, смастерить, так наладит – любо-дорого смотреть... Хороший человек, ничего не скажешь...

... Раннее утро. Немой в своем жилище пьет воду за столом, ест хлеб. Вдруг – стук в дверь. Поперхнувшись от страха, Немой на цыпочках подходит к двери, прикладывает ухо к двери. Резкий стук повторяется. Он отскакивает от двери. Весь трясется. Наконец решается и открывает дверь. На пороге стоит озябшая девушка.

– Я заблудилась, – говорит она. – Не прогоните?

Немой не успевает отреагировать на ее слова, как она уже быстро входит и плотно прикрывает за собой дверь. Девушка очень напористая – это видно в каждом ее жесте, в каждом слове.

– Немного отдохну и пойду, – говорит она, ставя свою сумку поближе к печке и подбрасывая в печку полено, лежавшее рядом.

– Тут где-то село должно быть, – говорит девушка, снимая обувь и ставя ее возле печки.

Немой не отвечает.

– Ты что не отвечаешь? Немой, что ли?

Немой кивает.

– А ты один здесь живешь? – девушка оглядывается, чтобы определить.

Немой кивает.

Она вытаскивает из сумки свои вещи, раскладывает их. Он начинает готовить тесто для хлеба. Она смотрит на него.

– Давай я. Я умею.

Она отстраняет его, и сама начинает месить тесто. Он нерешительно топчется, не находя себе места, потом одевается и выходит. Он ходит вдоль рельсов, расчищает их лопатой, делает бессмысленные дела. Видит вдаль, на рельсах, убегающий от него призрачный поезд. Немного потоптавшись без дела, идет обратно к домику. Входит. Видит – внутри все не так, как было раньше. По диагонали протянута бельевая веревка, на ней висит ее мокрое белье, ее вещи разбросаны по комнате, сама она лежит на его постели и храпит, как очень утомленный человек. Он плотно прикрывает за собой дверь. Она тут же вскакивает с постели.

– Ты хочешь есть? – она показывает жестами, как глухонемому.

Он, подумав, кивает. Она подает ему есть. Садится на кровать и смотрит, как он ест. Он стесняется под ее взглядом.

– Вообще-то, честно говоря, мне некуда деваться. Я бы пожила у тебя немного. Можно? А за это ты, когда захочешь, можешь делать меня, – она показывает руками, объясняет ему. – Ну, как? Согласен?

Он, подумав, мрачно кивает. Она тут же ложится обратно в постель и, как очень уставший человек, моментально засыпает. Она храпит. Он подходит и смотрит на нее, храпящую. Ищет, где можно было бы поспать. Бросает возле печки пустые мешки и ложится на них...

...Призрачный поезд на рельсах...

... Ночь. Она тянет его к кровати.

– Иди, иди, – говорит она. – Я не хочу стеснять тебя. Иди, ложись на свое место, не то прогонишь меня...

Она укладывает его в постель, ложится рядом и начинает ласкать его, раздевает, делает ему минет. Немного, долгие годы не бывшего с женщиной, это потрясает, он не может заснуть. Она же, сделав свое дело, и думая, что этим самым привязала его к себе, спокойно засыпает и вновь начинает храпеть...

Размеренный стук сердца, иногда появлявшийся за кадром сменяется беспокойным стуком – аритмия...